

АЗИЗА БЕЗ ПАРАНДЖИ

Она...

«Мне беда не беда, расстаемся навсегда, ая Самандаров», — пропела специально для нашего корреспондента популярная певица Азиза слегка перефразированные строки из своего нового шлягера.

— Я вынуждена подать заявление на полный разрыв всех своих отношений с Узбекконцертом, — сказала Азиза после того, как заместитель председателя Кабинета министров Узбекистана Э. Самандаров, который, видимо, решив все свои проблемы, надумал через средства массовой информации (в т. ч. и в «КП» — 13.04) высказать свой «компетентный» вердикт о том, кто, как и где должен петь. — По его логике, я как представительница узбекского народа должна везде — в Москве, Риге, Архангельске, Тамбове, где бы то ни было — выступать в парандже и вести себя скромнее на сцене, отбросив напрочь экстравагантность и экспрессивность моих выступлений, которые, по-видимому, не «заводят» публику, а утомляют. Не знаю, может быть, из кресла вице-премьера республики виднее, что людям нужно, но я не намерена из-за чьей-то прихоти менять свой имидж. Я не придворная певица Кабинета министров Узбекистана, я пела, пою и буду петь для всего советского народа в том образе, который уже отождествлен с моим именем и за который, я думаю, меня уже многие полюбили.

— Азиза, а не горестно ли тебе разрываться с Узбекконцертом? Ведь там твоя родина, твой дом...

— Я разрываю все свои связи с функционерами, которые палец о палец не ударили, чтобы хоть как-то содействовать моему восхождению на эстрадный Олимп.

— А ты считаешь себя «звездой»?

— Нет еще. И только поэтому я не раз отказывалась от заманчивых предложений на долгосрочную работу за рубежом. Я еще не все дала нашей публике, чувствую в себе огромный резерв.

А. РОМАНОВ.

...о ней

В этом заявлении известной певицы, данном моему коллеге Алексею Романову, кажется, вся Азиза. Все ее самощущение: «подать заявление на полный разрыв», «буду петь для всего советского народа», «моему восхождению на эстрадный Олимп», «я еще не все дала нашей публике».

Ее деловитость равна ее ребячливости. А ее сценический стиль — гремучая смесь изящества и порока. В принципе, если б не ее красота и грядущая, она была бы идеальной панк-певицей — так беззащитны и оглушительны ее выступления, так грубы манеры, так разрушительно и агрессивно само ее пребывание на эстраде.

Близко не садись — не ровен час, снесет воздушными потоками, а то запустит своей маленькой туфелькой или запрыгнет на колени, возможно, нанесет жестокий поцелуй прямо в лоб.

Да, Азиза не меняется в лучшую сторону. Неуправляемость становится качеством, ее творческим состоянием.

Помню певицу на последней «Красной гвоздике» в Сочи. До крайностей не доходило, но общее состояние нервозности, кажется, все время рядом с ней витало. Известный наш певец, да что там,

мастер, уговаривал: «Азиза, спойте под оркестр, такая возможность не каждый день выпадает, попробуйте, это так важно для артиста, для вашего будущего. Азиза, поверьте, я тридцать лет на эстраде, кое-что знаю, вы почувствуете себя совсем иначе, вы...»

Какое там! Заводи «фанеру» (то бишь фонограмму), поехали!

С тех пор Азиза Мухамедова из Ташкента стала просто Азизой, эстрадным человекообразом, удобно вписанным в шоу-бизнес, в его интернациональные законы и рифмы.

...И вот случайная встреча с ней в культурной программе конкурса «Мисс Пресса-91». И вдруг понимаю: она мне очень и очень нравится...

Но чем же? Чем, черт возьми, может нравиться Азиза, которая была, как никогда, в своем репертуаре, была в уда-

Вылетала лохматая и практически раздетая на маленькую эстрадку музыкального салона, вскакивала с ногами на стол, хватала с него бокал вина, кажется, даже чуть выпивала из него; терроризировала эротическими покусываниями капитана теплохода «Грузия» и его помощника; теряла серьги; грозила Филиппу Киркорову, наставлявшему на нее кинокамеру, выхватывала из зала очередную жертву — мужчину — и вытаскивала на пятачок рядом с собой; а то водружала на свою голову корону, предназначенную первой Мисс Прессе СССР и размахивала атласной лентой победительницы...

Словом, делала, что ей положено. И все же злость улеглась, прошел праведный гнев, и я начал размышлять.

Первое, что по-прежнему поражает, воображение, — масштабы распада советской эстрады как искусства. Все меньше там вспоминают о мастере, все реже применяют к ней исконные понятия и критерии, характеризующие творчество. Кажется, нигде противополоственно не утверждаются артисты, как на эстраде: помогают правдами и неправдами эфиров, сочиняют препошлейшие шлягеры, чтобы хоть как-то мелькнуть, «чешут по кооперативам» и т. д. Сплошная борьба с обостренными, видно, выживает характер, причем, может быть, характер, совершенно чуждый собственной природе. Я, например, надеюсь, что все эти высказывания Азизы о восхождении на эстрадный Олимп, о разрыве дипломатических с Узбекистаном, о президентском Указе суть ее вторая натура, сформированная алогичной жизнью нашей.

В самом деле — что за бред такой? Зампред Кабинета министров республики вы-

сказался относительно певцы критически — как тысячи слушателей, он имеет на это полное право. Но почему из суждений Э. Самандарова нужно делать оргвыводы, почему Узбекконцерт (если я правильно понял) ответил высокому шефу «есты!» и взял под козырек, и Азиза рвет с этой организацией?

Думаю, не она одна пребывает в постоянной боевой готовности, жизнь заставляет многих держаться понаглее, поглубже. Нет, право же, удивительна общая агрессивность наших эфиров, популярность рок-концертов, независимо в пользу чего бы они ни давались, против чего бы ни задумывались — против утраты, против террора или чего еще.

Второй вопрос, ну совершенно риторический, а то я старомодный, но все же поставлю и его: существует ли некий художественный институт при эстраде, признает ли она верховенство какого-либо художественного закона, режиссуры, замысла, образного поиска? Имеют ли вообще эти категории тут хождение? Помнится, в годы учебы в ГИТИСе существовал целый факультет режиссуры эстрады и цирка, там иногда встречались громкие имена. Так где же специалисты, знающие что-то помимо диамата? А-у!

Даже известные артисты поражают стихийностью своих проявлений, необработанностью. Сколько чужого, неорганичного, неудачно заимствованного. Работают, как Бог на душу положит. Счастливым случай состоявшегося артиста так редок у нас. И то — падение через раз. Взгляните на замечательного Олега Газманова: на одну настоящую песню две — в отвал.

Наша героиня чувствует «в себе огромный резерв». Еще бы! Что она спела, что сделала за последние, скажем, два года, куда продвинулась? Я могу назвать три-четыре песни, и то потому, что их без остановки крутили по судовой трансляции, а потом в поездке Одесса — Москва.

Два года ведь очень много. Год много. За границей за это время из Азизы сделали бы конфетку, извините, диву.

Но, позвольте, почему бы они сделали? Почему не мы? Азиза хочет «петь для всего советского народа». Умница, понимает, что все эти заманчивые предложения туда — на год, на два, не больше. Далее они найдут в природе следующих див, а не найдут — синтезируют из ничего.

Вот он, парадокс, — перед нами человек, которому много дано: красота, голос, наследственная музыкальность, смелость, готовность рисковать, наконец, характер — независимый и решительный.

И так мал результат! «Мне беда не беда, расстаемся навсегда...»

Нет, милая Азиза, это чистая беда. Вы могли бы стать настоящей актрисой. Ваш шлягер о расставании с любимым мог бы звучать совершенно иначе (кстати, почему вам так весело, ведь прощание — навсегда, разве тут не глубокое человеческое переживание, которому не до смеха, не до неселья?).

Мало скинуть паранджу и объявить о независимости. Скидывать так скидывать дальше — в первую очередь ту наволочку, что цепляется по пути. И путает, и путает, и заставляет петь не своим голосом, пускаться на сцене во все тяжкое.

А. КОЛЕСНИКОВ.
(Каюта 2103, стол 76).
Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.